

<sup>9</sup> *Mazauric C.* Babeuf et la conspiration pour l'égalité. P. 148.

<sup>10</sup> *Dommanget M.* Sur Babeuf et la conjuration des égaux. P., 1970. P. 140.

<sup>11</sup> *Bruhat J.* Gracchus Babeuf et les égaux, ou le premier parti communiste. P., 1978. P. 137.

<sup>12</sup> *Ibid.* P. 147—148.

<sup>13</sup> *Щеголев П. П.* Указ. соч. С. 133.

<sup>14</sup> Там же. С. 135.

<sup>15</sup> *Bessand-Massenet P.* Babeuf et le Parti communiste en 1796. P., 1926.

<sup>16</sup> *Walter G.* Gracchus Babeuf et la conjuration des égaux. P., 1937. P. 140.

<sup>17</sup> *Ibid.* P. 159.

<sup>18</sup> *Mazauric C.* Op. cit. P. 204.

<sup>19</sup> *Bruhat J.* Op. cit. P. 161.

<sup>20</sup> См., например: *Cochin A.* Les sociétés de pensée et la Démocratie moderne. P., 1978; *Mornet D.* Les Origines intellectuelles de la Révolution Française. P., 1967; *Шартье Р.* Культурные истоки Французской революции. М., 2001.

<sup>21</sup> См., например: *Волгин В. П.* Развитие общественной мысли во Франции. М., 1957; *Момдзян Х. Н.* Диалектика в социально-политических размышлениях Руссо // Французский ежегодник, 1978. С. 36—46; *Сиволоп И. И.* Вольтер о революционных движениях XVII—XVIII вв. // Французский ежегодник, 1960. М., 1961. С. 370—387.

Н. Н. Баранов

## К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ЛИБЕРАЛИЗМА В ВИЛЬГЕЛЬМИНСКОЙ ГЕРМАНИИ

В современной немецкой историографии, по мнению авторитетного исследователя Л. Галя, понятия «либерализм» и «буржуазное общество» являются ключевыми категориями в контексте изучения последних двух столетий истории Германии и Европы<sup>1</sup>. Практически нет ни одного исследовательского поля, которое в той или иной степени не соприкасалось бы с ними. Это обстоятельство обуславливает особую динамику развития исследований либерализма, что позволяет при обновлении перспектив обнаруживать все новые аспекты обозначенной проблематики.

Анализ общих тенденций развития современной немецкой историографии либерализма показывает, что она эволюционировала от истории идей к социальной истории, от политики к обществу, а в последнее время вплотную приблизилась к новому осознанию ценности культурно-исторических установок, которые позволяют рассматривать идейно-политическую проблематику в новом ракурсе. В самом общем виде эта основная тенденция отражается в известном смещении исследовательских интересов: от собственно либерализма к буржуазному обществу. Комплексные исследования такого рода применительно к XIX столетию осуществляются в университетах Билефельда и Франкфурта-на-Майне, а также и в значительном количестве отдельных работ<sup>2</sup>. Напротив, в исследованиях, посвященных XX в., подобный поворот или еще не произошел, или только начинается.

Вместе с тем показательно, что исследователи «традиционного» либерализма осознают значение социально-исторических аспектов при рассмотрении вопросов социального фундамента либеральных позиций, взаимодействия союзов, движений и партий, опосредованной связи общественных структур и политических предпочтений при формировании мировоззренческих установок.

Состоявшаяся переоценка культурно-исторических начал демонстрирует также тесную связь исследований либерализма и буржуазного общества с развитием исторической науки в целом. Именно работы по истории либерализма показывают, как на основе анализа таких культурных форм проявления национального движения, как праздники, памятники, стрелковые союзы, можно и нужно изучать способы популяризации и распространения в обществе политических установок. Равным образом формируется новая легитимация индивидуально-биографических штудий, идет ли речь о репрезентации личности в обществе или о новых культурно-антропологических подходах к человеку как индивидууму.

В последние годы существенный вклад в постановку исследовательских проблем внесли сравнительно новые направления исторического знания, прежде всего связанные с женской и профессиональной историей. В какой мере буржуазное общество не-

сло маскулинно-патриархальный отпечаток и какую роль в нем играли (или могли играть) женщины; в какой степени либерализм можно рассматривать как движение, в котором доминировали протестанты, и какое отношение к нему имели католики — это безусловно важные и перспективные вопросы.

Еще с начала 70-х гг. XX в. множились указания на отсутствие детальных исследований регионального и локального уровня. Между тем большинство исследований концентрировалось на отдельных или нескольких крупных городах, регионах или территориальных государствах. Тем не менее подобные сюжеты проникали даже в крупные обобщающие произведения. Работы Г.-У. Велера, Д. Лангевише, Т. Ниппердея и Дж. Шехана постоянно указывают на многообразие региональных условий, обусловливавших специфику проявлений либерализма<sup>3</sup>.

Дополнительный импульс изучению либерализма дает развитие исследований по проблемам национализма. К историкам пришло осознание того, что либеральный и национальный образ мыслей не только шли рука об руку, но и на протяжении всего XIX в. являли собой две стороны одной медали. Поэтому вряд ли удивительно, что уже с середины 80-х и еще сильнее в 90-е гг. XX в. именно в работах по национализму образ либерализма и буржуазного общества приобрел новые грани.

Наконец, тенденция последнего времени — многочисленные исследовательские проекты, посвященные тем историческим периодам, которые раньше не пользовались вниманием. Сейчас уже правило, а не исключение работы, переносящие из эпохи в эпоху, переступающие классические временные цезуры (такие как 1815, 1848—1849, 1867—1871 гг.).

Исследования по истории буржуазного общества и либерализма предстают, таким образом, как чрезвычайно плодотворная, инновационная отрасль исторического знания. Но до получения заключительных результатов ей еще очень далеко. Связано это, по меньшей мере, с двумя обстоятельствами. Во-первых, множество квалифицированных работ на локальном и региональном уровнях чем дальше, тем больше создают пеструю, неоднозначную,

иногда противоречивую картину. Во-вторых, методологический плюрализм, множественность используемых теорий с обширным исследовательским потенциалом. Их противоположение формирует плодотворную конкуренцию, благодаря которой диалектические элементы любого исследования выявляют и выдвигают на передний план все новые подходы и оценки.

В то же время представляется, что применительно хотя бы к XIX столетию в последние годы обозначилась фундаментальная тенденция, которая оказывает существенное влияние на весь ход исследований. Она проявляется прежде всего в отказе от единственной объясняющей конструкции. Вместо этого проявляется стремление если не поставить под сомнение любую такую методологию, то хотя бы модифицировать ее. Одновременно за счет этого формируется более пристальное внимание к неоднозначности, многосторонности изучаемых явлений. Предпосылка для этого — интенсификация самого процесса исследований. То, что сначала воспринималось как непересекающиеся множества, — представление о многочисленных локальных и региональных вариантах либерального движения как проявлениях буржуазных общественных отношений, — в то же время вело к восприятию некоей «второй исторической реальности» наряду с тенденциями национального уровня. Так, например, уже неоднократно доказанное положение о сильных позициях, которые занимали буржуазия и либеральные партии на уровне общин и в парламентах отдельных германских государств, существенно меняет представление о «дефиците буржуазности» на общенациональном уровне. Даже если речь идет о тех периодах и сюжетах, которые до сих пор рассматриваются с критических позиций, как, например, политика национал-либералов на имперском уровне на рубеже веков, по крайней мере, у современных авторов реже встречаются призывы к долгу и сценарии краха. Наоборот, растет стремление объяснять исторические процессы условиями того времени, когда они происходили, абстрагируясь от знания о будущем и не опускаясь до уровня уже известных историкам последствий. Можно было бы говорить о новом прочтении историзма, если бы это понятие не оставалось

в значительной степени табуизированным или, во всяком случае, невостребованным.

Многозначным становится и видение тех процессов, которые долгое время расценивались исключительно позитивно, как, например, либеральное движение в предмартовский период. Причина тому — скептическое отношение к национальному образу мышления предмартовских либералов, в котором большинство историков уже с самого начала (а не только на стадии распада) усматривает агрессивный потенциал. В результате формируется такой богатый, вполне свободный от предвзятости образ, или лучше сказать, множественные образы, которые могут претендовать на адекватное отражение прошлого.

Если поставить вопрос о том, чего все еще недостает в решении главных исследовательских проблем, то надо отметить три сферы:

1. Исследования буржуазного общества XX в. находятся в самом начале. Это относится в первую очередь к проблеме буржуазия — национал-социализм. Х. Мёллер показал, что даже с определением понятия «буржуазия» в минувшем столетии возникает гораздо больше трудностей, чем в предшествующие эпохи<sup>4</sup>.

2. Новые культурно-исторические подходы заслуживают того, чтобы использовать их с большей интенсивностью. Они позволяют, в частности, дать более точное объяснение тому, каким образом система идей и институтов (что представляет собой либерализм) связана или не связана с крупными общественными группами, такими как буржуазия. Возможно, именно такой подход позволит преодолеть все еще недостаточную связь между исследованиями буржуазии и либерализма, на что справедливо указывает Д. Лангевише. Обращению к свойствам ментального может помочь использование новых подходов, которые до сих пор недостаточно используются для решения задач исторической науки.

3. До сих пор крайне недостаточными остаются знания о консерватизме. В XIX в. он наряду или вместе с политическим католицизмом играл роль главного противника и оппонента либерализма, но в то же время всегда оставался востребованным частью буржуазии. Выводы по истории либерализма могли бы быть точ-

нее, если бы стали яснее его отношения с политическими соперниками. Однако условием этого является прежде всего работа по уточнению самой дефиниции «консерватизм».

<sup>1</sup> *Gall Lh.* Vorwort // *Historische Zeitschrift*. Sonderheft 17. Bürgertum und bürgerlich-liberale Bewegung in Mitteleuropa seit dem 18. Jahrhundert, 1997. S. VII—X.

<sup>2</sup> См., например: *Der europäische Liberalismus im 19. Jahrhundert: Texte zu seiner Entwicklung*. Frankfurt a/M, 1981; *Gall Lh.* Bürgertum, liberale Bewegung und Nation. München, 1997; *Liberalismus*. Königstein, 1985; *Liberalismus und imperialistischer Staat: der Imperialismus als Problem liberaler Parteien in Deutschland, 1890—1914*. Göttingen, 1975.

<sup>3</sup> См.: *Langewiesche D.* Liberalismus in Deutschland. Frankfurt a/M, 1988; *Nipperdey Th.* Deutsche Geschichte, 1866—1918. Arbeitswelt und Bürgergeist. München, 1990; *Sheehan J.* Der deutsche Liberalismus von den Anfängen im 18. Jahrhundert bis zum Ersten Weltkrieg, 1770—1914. München, 1983; *Wehler H.-U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 3 : Von der «Deutschen Doppelrevolution» bis zum Beginn des ersten Weltkrieges, 1849—1914. München, 1995.

<sup>4</sup> См.: *Möller H.* Die Weimarer Republik. Eine unvollendete Demokratie. München, 1985.

О. Н. Яхно

## ИСТОРИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ НАЧАЛА XX в. (СКВОЗЬ ПРИЗМУ РЕКЛАМЫ)\*

Одним из самых заметных явлений рубежа XIX—XX вв. является быстрый рост городского населения. Города притягивали активных, ищущих заработка людей. Городское население увеличивалось в основном за счет молодых, наиболее сильных, работоспособных жителей окружающих территорий, уравнивая социально-экономическое положение, права и интересы различных социальных групп. Являясь промышленным, финансовым, административным центром, город формировал и новую городскую

\* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ-Урал № 08-01-83103а/У.